Гражданское законодательство как инструмент противодействия коррупции: особенности российского и зарубежного опыта

ДОРОНИНА Наталия Георгиевна, главный научный сотрудник отдела экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: gis.doronina@yandex.ru

СЕМИЛЮТИНА Наталья Геннадьевна, заведующая отделом гражданского права зарубежных государств Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук
117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: foreign3@izak.ru

В статье исследуются проблемы применения концепций и институтов гражданско-правового регулирования в области противодействия коррупции. По мнению авторов, речь должна идти о более широком подходе к использованию гражданского права. Обеспечивая прозрачность регулирования, гражданское право препятствует злоупотреблениям в отношениях, регулирование которых осуществляется на основе принципа равенства сторон. В качестве примеров обращено внимание на возможное использование института доверительного управления при регулировании деятельности фондов, а также на совершенствование корпоративного регулирования. Авторы предполагают, что более широкое применение фидуциарных отношений, квалификация и модели доверительных отношений могли бы сделать борьбу с коррупцией эффективнее.

Авторы анализируют корпоративные отношения и обращаются к делу компании Enron. Случай с этой компанией является примером внутрикорпоративной коррупции и может иметь очень серьезные последствия для национального и международного финансовых рынков.

Принятый в США Закон Сарбейнса — Оксли представляет собой пример борьбы с коррупцией. Он направлен на развитие регулирования различных активов, а также корпоративной практики, призван сделать экономические отношения более прозрачными, поспособствовать не только борьбе с коррупцией, но и улучшению инвестиционного климата. Авторы обращаются к опыту зарубежного законодательства, как непосредственно направленного на противодействие коррупции, так и относящегося к области гражданского права.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, гражданское законодательство, фидуциарные отношения, фонды, корпоративное регулирование.

Civil Legislation as an Anti-Corruption Instrument: Russian and Foreign Experience

N. G. DORONINA, chief research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: gis.doronina@yandex.ru

N. G. SEMILYUTINA, head of the Department of civil law of foreign countries of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences
34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: foreign3@izak.ru

The article analyses the problems of application of the civil law constructions for anti-corruption. According to authors the civil law should be applied more active. Providing for the transparent relationship between the parties the civil law precludes them from violating legislation and thus seriously impedes corruptive activities. The authors suppose that the application of the form of trust for the economic government of state property would probably make the relationship between proprietors and persons empowered to use the property more transparent. The broader application of fiduciary relations qualification and fiduciary relations models could make fight against corruption more effective.

The authors analyze corporate relations and turn to the Enron case, taking this case as an example of inter corporate corruption. This example demonstrates that certain case of private corporate corruption could have very serious consequences for the national and international financial market. According to the article Sarbanes and Oxley Act represents an example of anticorruption practices.

The development of the regulation of various assets as well as corporate law practices aimed which make economic relations more transparent not only fight against corruption but also improve investment climate. Authors take the foreign and international regulation because it directly aimed at the prosecution of corruptive practices as well as dealing with the civil law regulation.

Keywords: corruption, anti-corruptive practices, civil legislation, fiduciary relations, funds, corporate regulation.

DOI: 10.12737/article_5924175fa12c81.12279460

1. Коррупция в современной России представляет реальную угрозу национальному развитию, о чем говорят практически все исследователи и специалисты в данной области¹. При этом разработка форм и способов противодействия представляет собой комплексную проблему, требующую системного и межотраслевого подхода². Рассмотрение же коррупции в качестве сложного социального явления не позволя-

ет ограничиваться рамками сугубо юридического анализа проблематики, абстрагируясь от экономических (так называемых базисных) причин этого явления, а также от факторов, воздействующих на национальное регулирование извне. Речь идет о международном и иностранном (зарубежном) регулировании.

Как социальное явление «коррупция такая же древняя как власть вообще. Она неистребима, пока существует власть. Она лишь меняет формы и количественные размеры. Изменяются ее функции и социальная роль». Однако было бы неправильным сводить борьбу с коррупцией установлением жесткого контроля за действиями государственного управления, а также действиями лиц, выполняющих функции, связанные с государственным управлением³. Установление сверхжесткого

¹ В частности, В. В. Невинский справедливо указывает, что следствиями коррупции являются угрозы, в результате которых происходят «подрыв авторитета закона, разбалансирование системы публичной власти, торможение социально-экономических преобразований, в том числе в силу хищений выделяемых государством бюджетных и внебюджетных средств, усиление расслоения общества из-за перераспределения общественных благ в пользу узких групп лиц» (Невинский В. В. Коррупция в России: системные меры противодействия // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 65).

² «Очевидно, что здесь заметная роль может быть отведена не только уголовному, административному или процессуальному праву, но и общей теории права, науке конституционного, международного, муниципального, финансового, гражданского, экологического и иных отраслей права» (Там же. С. 66).

³ Говоря о борьбе с коррупцией лишь путем жесткого контроля за органами государственного управления и лицами, представляющими эти органы, обратим внимание на высказывание А. Зиновьева, констатировавшего связь коррупции с осуществлением государственной власти: «Коррупцию можно уничтожить, лишь уничтожив полностью чиновников системы власти, доведя подвластных до такого состояния, чтобы у них вообще нечего было бы взять, примитизи-

контроля, лишаящего государственную власть возможности принимать своевременные, объективно необходимые в сложившихся обстоятельствах, обоснованные самостоятельные решения, лишают такую власть эффективности и доверия. Вряд ли в ряде случаев передача функций государственного управления саморегулируемым организациям (далее — СРО) способствовало повышению эффективности в части, касающейся государственного управления в данной области, хотя, например, в части выработки стандартов деловой практики СРО могут играть позитивную роль⁴.

Можно предположить, что сущность коррупции «состоит в том, что она есть проявление универсального закона распределения и перераспределения жизненных благ. Согласно этому закону каждый нормальный и активно действующий член общества урывает для себя столько жизненных благ, сколько ему позволяет его социальное положение, причем урывает безнаказанно, в допускаемых обществом рамках или, по крайней мере, с достаточно высокой степенью безнаказанности. Последняя устанавливается опытным путем в конкретных условиях. В принципе, она вычислима. Существуют коли-

чественные и качественные границы коррупции, нарушение которых становится опасным для общества»⁵. В области права подобный подход к пониманию коррупции делает актуальным исследование юридических аспектов распределения (и перераспределения) жизненных благ, а также роли гражданско-правового регулирования в противодействии коррупции.

Гражданское законодательство, регулирующее отношения сторон, основываясь «на признании равенства участников, регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» (п. 1 ст. 1 ГК РФ), представляет собой сложный, но весьма эффективный инструмент противодействия коррупции. При этом речь идет не о включении в ГК РФ отдельных норм (дополнений)⁶ (точечные включения), а об использовании гражданско-правовых концепций, принципов и институтов в целях обеспечения эффективности противодействия коррупции как социальному явлению. Столкнувшись в экономической жизни с определенными явлениями, обусловленными причинами экономического развития, гражданское право, регулирующее имущественные отношения, выработало ряд правовых конструкций и институтов, обеспечивающих возмож-

рывать человеческое объединение настолько, чтобы уровень властителей мало чем отличался от уровня подвластных, чтобы все отношения власти и подвластных были примитивны и совершались у всех на виду. Это можно лишь на пути всесторонней деградации человечества на первобытный уровень» (Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект. Распутье. Русская трагедия. М.; Владимир, 2011. С. 245).

⁴ О практике СРО подробнее см.: Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Семилютина, Е. И. Спектор. М., 2012. С. 52—70. См. также: Семилютина Н. Г. Предпринимательские объединения в борьбе с коррупцией // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 28—42.

⁵ Зиновьев А. А. Указ. соч. С. 244—245.

⁶ В качестве такого примера В. В. Невинский приводит указание на норму, включенную в ГК РФ, о допустимости «обращения по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с российским законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы» (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ). См.: Невинский В. В. Указ. соч. С. 69.

ность как эффективной работы, так и защиты законных прав участника оборота в случае их нарушения. К числу таких конструкций следует отнести, в частности, институт доверительного управления имуществом, изначально сформировавшийся в недрах англо-американской правовой доктрины⁷.

⁷ Как известно, институт доверительной собственности (trust) зародился в английском праве, корни данного института можно увидеть в Нормандском завоевании. Сеньор находился в Нормандии, а приобретенным имуществом управлял местный управляющий. В рамках системы общего права, заимствовавшей систему исков из римского классического права, доверительное управление именовалось “USE”, буквально «пользование», «употребление». Однако классическая система исковой защиты не была способна обеспечить защиту интересов как собственника, так и управляющего. Напомним, что для защиты права собственности в классической системе римского права истец должен обосновать наличие права собственности и потребовать либо возврата утраченного владения (виндикационный иск), либо устранения препятствий в реализации права собственности (негаторный иск); управляющий, таким образом, не имел юридической возможности защитить ни себя, ни своего патрона. Основанный на классической системе исков институт use оказался забытым для системы общего права, однако смог возродиться в системе права справедливости (law of equity) в XVI в., породив институт trust, дошедший до нашего времени. Напомним, что XVI в. был веком географических открытий, становления Британской империи и развития колониальных завоеваний, требовавших длительного отсутствия энергичного отца семейства. Суд лорда канцлера, поступая «по справедливости» (и с учетом экономической целесообразности), стал признавать право за бенефициарным владельцем самостоятельно защищать интересы отсутствующего патрона (учредителя trust или собственника) в интересах оставшихся несовершеннолетних детей, жены (которая по английскому праву вплоть до XX в. обладала ограниченной дееспособностью, а все сделки требовали согласия мужа). Таким обра-

С развитием товарно-денежных отношений конструкция доверительной собственности оказалась востребованной на финансовом рынке не только для организации семейного хозяйства, но и для деловых целей. Представляется, что главная идея, заложенная в конструкции trust, — обеспечение юридического механизма защиты интересов невладеющего собственником с одновременным предоставлением достаточной свободы владеющему несобственнику, оказалась востребованной в современных условиях. Это обусловило и триумфальное шествие института доверительной собственности, который был воспринят в странах континентального права в виде конструкции не вещного, а договорного права — институт договора доверительного управления имуществом. Дело в том, что существуют определенные концептуальные принципы, обеспечивающие универсальный характер данного института. В качестве первого принципа следует назвать принцип разделения имущества, переданного в доверительное управление, и собственного имущества доверительного управляющего. Доверительно-управляемое имущество не выступает в обороте от собственного имени (не имеет собственной правосубъектности)⁸; оно может

зом, сформировавшийся в английском праве классический траст имел трех участников: учредителя, доверительного управляющего (владельца) и выгодоприобретателя — бенефициара. Подробнее см.: *Нарышкина Р. Л.* Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М., 1965.

⁸ Особенностью российского законодательства является то, что «фонд» понимается прежде всего как субъект права, некоммерческая организация (см., например, ст. 123¹⁷ ГК РФ). Следствием такого подхода, на наш взгляд, являются нарушения и злоупотребления, когда существует возможность использовать средства, переданные в доверительное управление в административно-хозяйственных целях, лиц, осуществляющих управление фондом. Представ-

именоваться (точнее — обозначаться) словом «фонд», причем самостоятельных сделок (т. е. сделок от своего имени) фонд не совершает. Для фонда сделки совершает управляющая компания, указывающая при этом, что сделки совершаются за счет имущества и в интересах фонда. На финансовом рынке активы, находящиеся в доверительном управлении, обозначаются «Д. У.», например «банковский счет Д. У.», «счет депо в депозитарии Д. У.». Такой подход обеспечивает максимальную прозрачность совершаемых операций и является достаточно эффективным инструментом противодействия коррупции, в том числе в отношении имущества, переданного в доверительное управление.

Вторым принципом является предоставление доверительному управляющему права выступать в защиту прав на имущество, переданное в доверительное управление (см. п. 3 ст. 1020 ГК РФ), предъявляя в том числе требования, которые обычно вправе выдвигать собственник для защиты своих интересов.

Наконец, третьей идеей, способствующей росту востребованности и популярности института доверительного управления, является конструкция доверительных отношений (fiduciary relationship), которая используется для толкования взаимоотношений доверителя (учредителя траста, собственника) и доверительного управляющего. Конструкция доверительности отношений известна и в континентальном праве, однако в общем праве благодаря судебной практике она получила широкое распространение и применяется в области как частного права (например, в рамках корпоративных отношений подразу-

меваются, что директора и акционеры находятся в доверительных отношениях), так и публичного права (например, в правоотношениях, связанных с государственной службой). Идея состоит в том, что, осуществляя управление вверенным имуществом, лицо обязано обеспечить верность патрону (например, ограничения в праве переходить на службу к конкурентам, в праве без прямого согласия патрона получать иные выгоды (включая нематериальные), не оговоренные прямо в договоре, на основании которого устанавливаются доверительные отношения). К сожалению, в России договор доверительного управления рассматривается чрезвычайно узко, главным образом в рамках операций инвестиционных фондов на финансовом рынке. Другой аспект использования конструкции доверительного управления — семейное право (ст. 38 «Доверительное управление имуществом подопечного» ГК РФ).

Учитывая изложенное, представляется, что в полной мере потенциал института доверительного управления как инструмента противодействия коррупции пока не раскрыт⁹, несмотря на наличие законодательных предпосылок. Между тем зарубежный опыт свидетельствует о необходимости более активного использования данного института для целей противодействия коррупции (например, при регламентации деятельности таких организаций, как ФАНО в области имущества научных институтов, Пенсионного фонда РФ (например, в части отделения пенсионных отчислений от имуще-

ляется, что отсутствие четкого разделения между имуществом управляющего собственника и неуправляющего собственника создает коррупциогенные предпосылки, «соблазняя» управляющего решать свои проблемы за счет «чужого» имущества.

⁹ В сфере противодействия коррупции институт доверительного управления используется главным образом в качестве одного из средств контроля за реализацией государственными служащими полномочий собственника имущества, но не в качестве института, существенным образом затрудняющего совершение коррупционных правонарушений, т. е. речь идет скорее о точечном применении отдельных норм.

ства самого ПФР)). Сказанное относится также к концепциям, связанным с данным институтом (в частности, рассмотрения в качестве фидуциарных отношений между директорами государственных корпораций и государством, отношений между государственным служащим и государственным учреждением, служащим которого он является, и т. п.).

2. Одной из особенностей современного этапа противодействия коррупции является тот факт, что эта борьба приобретает все более международный характер, который проявляется в активной разработке международных конвенций, стандартов и практик, направленных на противодействие коррупции¹⁰, что отражает стремление международного сообщества бороться с этим злом. В то же время противодействие коррупции постепенно превращается в инструмент глобальной конкурентной борьбы, что составляет второй аспект проблемы международного характера противодействия коррупции.

Активное участие России в международном разделении труда в результате вступления России в ВТО и экстерриториального действия антикоррупционного законодательства государств с развитой экономикой — торговых партнеров России — создают повышенные риски для российских компаний получить обвинение в коррупционных действиях, даже если отсутствуют достаточные на то основания. Отнесение в целом экономики государства к категории экономики, подверженной коррупции, само по себе является одним из самых существенных рисков для предпринимательской деятельности субъектов гражданского права и самого государства, подданными которого эти лица являются. Вот почему гражданскому законодательству, регулирующему предприниматель-

скую деятельность, во многих государствах отводится первостепенная роль в противодействии коррупции.

Еще в 2006 г. согласно оценке Мирового банка было установлено, что в качестве взяток в рамках экономической деятельности ежегодно выплачивается порядка 1 трлн долл. Должностные лица в развивающихся странах были особенно сильно подвержены коррупции, ежегодно получая в качестве взяток от 20 до 40 млрд долл. Это составляет от 20 до 40% официальной помощи, предоставляемой этим странам индустриально развитыми державами. При этом до недавнего времени основным инструментом борьбы с коррупцией являлись меры административного воздействия. По данным ООН, штрафам были подвергнуты 15% компаний в развитых странах, в отношении которых были выявлены факты участия в подкупе должностных лиц, предпринятом с целью поиска содействия развитию бизнеса.

Закон о коррупции за рубежом (США) — Foreign Corrupt Practices Act (FCPA) до начала XXI в. был скорее «спящим» Законом (dormant act). Однако после экономического кризиса 2008 г. Министерство юстиции США резко активизировало проведение расследований и применение санкций, основанных на положениях FCPA. Так, заместитель Генерального прокурора США Л. Брюэр (L. Breuer) отметил, что в 2009—2010 гг. активность Министерства может быть сопоставлена с предшествующими 30 годами, и объявил о начале «новой эры применения FCPA». При этом применение FCPA начинает приобретать все более экстерриториальный характер. Так, в 2009—2010 гг. из 10 случаев расследований и наложения наиболее крупных санкций на компании восемь компаний были иностранными¹¹.

¹⁰ Об этом, в частности, см.: Невинский В. В. Указ. соч. С. 70.

¹¹ О FCPA, а также об этапах развития антикоррупционного законодательства подробнее см.: Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции /

Опыт применения ФСРА позволяет сформулировать три ключевых принципа, которые обеспечивают экстерриториальное применение положений данного Закона. Во-первых, ФСРА содержит прямой запрет лицам и предпринимательским образованиям США совершать коррупционные действия в любой точке мира. При этом под лицами и предпринимательскими образованиями ФСРА понимает в первую очередь граждан и резидентов США, а также предпринимательские образования, учрежденные в соответствии с законами США и осуществляющие предпринимательскую деятельность на территории США. Однако требования ФСРА могут быть отнесены также и к должностным лицам компаний независимо от их национальной принадлежности.

Во-вторых, положения ФСРА распространяются на эмитентов ценных бумаг, вне зависимости от места их инкорпорации, осуществления предпринимательской деятельности и т. п., если ценные бумаги допущены и обращаются на биржах США. При этом органом, обеспечивающим исполнение требований ФСРА, может быть уже не Министерство юстиции, а Комиссия по ценным бумагам и биржам — United States Securities and Exchange Commission (SEC). Так, французская телекоммуникационная компания Alcatel-Lucent S. A. и три ее филиала согласились уплатить свыше 137 млн долл. в качестве отступного при урегулировании штрафа, наложенного на нее SEC за незаконные платежи, произведенные в Коста-Рике, Гондурасе, Малайзии и Тайване.

Третьим ключевым моментом для применения ФСРА в отношении лиц, формально находящихся вне сферы действия законов США, является использование услуг почты США или иных средств ведения международной торговли, например си-

стемы проведения платежей, счетов, открытых в банках США, в качестве инструмента осуществления подкупа иностранного должностного лица. Например, обвинения в нарушении ФСРА были выдвинуты против производственного предприятия Bridgestone, находящегося в Токио, на основании электронных сообщений, передаваемых между Японией и США, в которых излагалась схема подкупа должностного лица.

В дальнейшем принятие законов о коррупции в странах — экспортерах капитала постепенно приобретает все более массовый характер в связи с неправомерным использованием отечественными компаниями своих денежных средств за рубежом. В Великобритании поводом для принятия закона о коррупции был громкий процесс, начатый в 2009 г., в связи со сделкой «нефть в обмен на оружие», совершенной между Великобританией и Саудовской Аравией¹². Расследование было прекращено, но результатом стало принятие Закона о коррупции 2010 г. (Bribery Act). Тогда же были опубликованы статистические данные, согласно которым четвертая часть иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность на территории Великобритании, утратила свой бизнес из-за коррумпированных действий своих конкурентов. Чтобы удержать свои позиции на национальных рынках развивающихся стран, Великобритании потребовалось принятие закона, который смог остановить коррупционную деятельность в частноправовой сфере. Принятый Закон о коррупции является началом развития законодательства об иностранных инвестициях нового поколения¹³.

¹² См.: *Bonneau J. L. Combatting Foreign Bribery: Legislative Reform in the United Kingdom and Prospects for Increased Global Enforcement* // *Columbia Journal of Transnational Law*. 2011. Vol. 49. No. 2.

¹³ См.: *International Financial Law Review*. 2011. July. August. P. 44.

3. Принятие в 2010 г. в Великобритании Закона о подкупе (вступил в силу с 1 июля 2011 г.) является новым веянием в сфере противодействия коррупции. Наряду с традиционным пониманием коррупционной деятельности (дача или предложение взятки государственному должностному лицу или предложению дать взятку, исходящее от должностного лица) Закон о подкупе предусматривает новый вид правонарушений, связанный с подкупом: речь идет о неисполнении компанией обязанности обеспечить такие условия внутрикорпоративного регулирования, которые бы не позволяли служащим, должностным лицам компании участвовать в правонарушениях, представляющих собой подкуп. Введение приведенной выше нормы несет потенциальную угрозу для тех предпринимательских организаций, деятельность которых не осуществляется в соответствии с принятыми стандартами управления и недостаточно прозрачна.

Столкнувшись с катастрофой компании Enron¹⁴ в начале 2000-х гг., США существенным образом изменили требования к компаниям, акции которых обращаются на рынке страны. Результатом стало принятие в 2002 г. так называемого Закона Сарбейнса — Оксли США (Sarbanes — Oxley Act). Следует обратить внимание, что первое (официальное) название Закона — Закон, направленный на защиту инвесторов путем улучшения точности и досто-

верности отчетности, предоставляемой в соответствии с законодательством о ценных бумагах и в других целях (Act to Protect Investors by Improving the Accuracy and Reliability of Corporate Disclosures Made Pursuant to the Securities Laws and for Other Purposes).

Главная причина внезапного банкротства одной из крупнейших компаний — многочисленные нарушения со стороны руководства компании Enron, имевшие, по сути, коррупционный характер. В качестве основных нарушений, допущенных руководством компании, были указаны:

нарушения директорами фидуциарных обязательств перед акционерами компании. В частности, применительно к действиям руководства Enron указывалось на нарушения в ведении отчетности, совершении сделок, в которых присутствовал конфликт интересов в ущерб большинству акционеров компании;

несоблюдение общих принципов ведения отчетности;

существенное сокрытие (нераскрытие) отдельных операций. В частности, руководство компании не показывало в отчетности отдельные рискованные операции в целях необоснованного завышения доходов корпорации и сокрытия убытков;

чрезмерное вознаграждение, которое получало руководство компании, приводившее к недостаточности наличия ликвидных средств корпорации в периоды выплаты бонусов;

кредитование корпорацией высшего руководства;

отсутствие независимости членов совета директоров, равным образом и внешнего аудитора, при принятии решений (в ряде случаев члены совета директоров имели тесные личные и (или) финансовые связи с иными организациями, которым оказывалась финансовая и спонсорская поддержка).

В качестве мер, направленных на предотвращение в будущем подобных ситуаций, был принят ряд ре-

¹⁴ 2 декабря 2001 г. энергетическая компания, являющаяся восьмой по величине компанией в США, акции которой являлись «голубыми фишками» на рынке страны, объявила себя банкротом. Объявленное банкротство имело настолько сильные последствия для фондового рынка США, что его причины стали предметом расследования Сената США. Выводы, сделанные в процессе расследования и изложенные в специальном докладе, легли в основу разработанного законопроекта, ставшего впоследствии Законом Сарбейнса — Оксли.

комендаций, адресованных директорам корпораций, ценные бумаги которых публично обращаются на рынке¹⁵.

Расследование и последующее изменение корпоративного законодательства США повлияло как на кор-

¹⁵ В частности, было признано целесообразным в рамках федерального законодательства США: 1) запретить нарушение общепринятых принципов ведения отчетности, ведущее к неточностям и недостоверности финансовой отчетности (нарушение или ошибки в финансовой отчетности стали квалифицироваться как лжесвидетельство); 2) запретить сделки, влекущие конфликт интересов, заключаемые с организациями, которые принадлежат корпорации или в состав руководства которых входит высшее руководство корпорации; 3) запретить практику исключения из отчетности операций, занижающих убытки или потери компании; 4) предотвращать чрезмерное вознаграждение, выплачиваемое руководству корпораций, в том числе посредством проверки планов вознаграждений и расходов компаний, ограничения практики предоставления корпорацией кредитов и займов высшему руководству, ограничения выплат вознаграждения путем передачи акций корпорации (указывалось, что выплата вознаграждения акциями компании стимулировало стремление руководства компании «улучшать» отчетность в целях повышения рыночных котировок акций корпорации); 5) запретить внешним аудиторам компании оказывать услуги по внутреннему аудиту, а также иные услуги, кроме услуг внешнего аудита; 6) стимулировать независимость членов Советов директоров корпораций путем установления требования того, чтобы большинство членов не имели материальных и (или) финансовых связей и не получали иного вознаграждения, кроме как за выполнение функций Директора; 7) усилить требования в отношении внутреннего аудита корпораций.

поративное, так и на антикоррупционное регулирование. Британский Закон о коррупции 2010 г. поставил в один ряд коррупционные нарушения государственных должностных лиц и должностных лиц частных компаний, сделав, таким образом, противодействие коррупции частью корпоративного регулирования¹⁶.

4. Изложенное выше свидетельствует, что формирование эффективного механизма противодействия коррупции выходит за рамки отраслевой принадлежности правового регулирования. Огромное значение приобретает законодательство, формирующее условный фон, в рамках которого осуществляется предпринимательская деятельность. Обеспечение прозрачности и понятности такого фона существенно затрудняет осуществление коррупционных правонарушений.

В то же время противодействие коррупции выходит на новый уровень глобальной конкурентной борьбы. Расширение возможности экстерриториального применения норм антикоррупционного регулирования, антикоррупционное преследование, в том числе конкурирующих иностранных компаний, становятся также условиями успешной конкурентной борьбы на международных рынках для отечественных предпринимателей. Таким образом, гражданское законодательство в целом становится весьма важным инструментом противодействия коррупции в современных условиях.

¹⁶ Имеется в виду корпоративное регулирование, понимаемое в широком смысле, распространяющееся на всех юридических лиц. См., в частности: Гутников О. В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд. М., 2015. С. 451—463.

Библиографический список

- International Financial Law Review. 2011. July. August.
Гутников О. В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития российского законодательства. 7-е изд. М., 2015.
Зиновьев А. А. Несостоявшийся проект. Руспуте. Русская трагедия. М.; Владимир, 2011.

Нарышкина Р. Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. М., 1965.

Невинский В. В. Коррупция в России: системные меры противодействия // Журнал российского права. 2017. № 1.

Роль предпринимательских структур в противодействии коррупции: науч.-практ. пособие / отв. ред. Н. Г. Семилютин, Е. И. Спектор. М., 2012.

Семилютин Н. Г. Предпринимательские объединения в борьбе с коррупцией // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4.

Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации

СИДОРЕНКО Элина Леонидовна, заведующая лабораторией криминологического анализа и прогнозирования Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук 117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34
E-mail: 12011979@list.ru

В работе проводится анализ бытовой коррупции как особой социальной практики взаимоотношений взяткодателя — физического лица с публичным сектором по поводу возмездного ускорения или улучшения качества предоставляемых ему социальных услуг. В статье формируются ряд новых научных положений, способных составить основу мониторинга бытовой коррупции на федеральном и региональном уровнях. В первую очередь, речь идет об определении бытовой коррупции и ее основных криминологических параметрах, а равно о разработке методики статистического анализа коррупции. На основе изучения общественного мнения и обобщения данных о динамике, структуре и географии бытового взяточничества формируется ряд интересных выводов относительно качественной трансформации и усложнения коррупции, вытеснения бытового сегмента экономическим, повышения уровня организованности преступности. Вместе с тем отмечается, что в настоящее время выявлено заметное сокращение бытовой коррупции при усложнении форм преступной деятельности в сфере регистрации недвижимости и в сфере образования.

Фактически автор расширил функциональное направление исследования коррупции за счет оценки не только криминологических, но и социально-экономических параметров. В работе излагается авторская методика комплексного анализа коррупции и разрабатываются прогнозы ее развития на краткосрочную и среднесрочную перспективы.

Комплексность анализа бытовой коррупции была обеспечена за счет применения совокупности общенаучных и частнонаучных методов познания, что позволило выявить системные свойства бытовой коррупции и обозначить ее основные динамические тренды.

Ключевые слова: коррупция, бытовая коррупция, динамика, структура, коррупционные риски, география коррупции, взяточничество.

Condition and Dynamics of Petty Corruption in the Russian Federation

E. L. SIDORENKO, head of the Laboratory of criminological analysis and forecasting of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor at the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation 34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218
E-mail: 12011979@list.ru